

раньше в области морали все было «просто и ясно», хотя, «может-быть, и условно», а именно, «признание известного порядка мыслей, чувств и поступков «добрыми», а противоположных им—«злыми». В наши дни все это «страшно усложнилось и запуталось».

Дальше этих обывательских суждений идти некуда. Неужели Нестор Котляревский не знает, что вопросы о добре и зле никогда не были простыми и ясными, что понятие о художнике—«исключительно художнике» и о «чистой красоте», не связанной с моралью, занимало видное место в миросозерцании иенских романтиков и в «сéнасле» Шарля Нодье и вообще в европейском романтизме, что торжество тенденциозной и морализирующей литературы начинается повсюду в Европе по мере приближения ко второй половине XIX века, в Англии в лице Диккенса и Теккере; во Франции—Жорж-Занда, Бальзака, Гюго; в Германии—«молодых германцев», особенно Берне, Гуцкова; в России—сначала Белинского, а позднее—шестидесятников и народников и т. д. Правда, с широким распространением модернизма или неоромантизма опять торжествуют принципы «чистой красоты», но против них ведется ожесточенная борьба, выдвинувшая в конце века замечательных писателей (Гауптман, Ромен-Ролан, Барбюс и т. д.).

Говорить о том, что принцип «чистой красоты» появился или утвердился только в наши дни, что раньше идейное направление преобладало в литературе—значит, совершенно не знать процесса ее развития, не понимать, что на протяжении всего XIX столетия идет жестокая борьба между романтизмом и реализмом, тесно связанная с общественными противоречиями века.

Автор не разбирается в интересах и психологии разных общественных групп, поэтому его обобщения носят ребячески легкомысленный характер. Вот образчики таких построений, объединяющих в общую кучу века и даже не народы, а целые материка: «XVIII век, в его наиболее типичных культурных представителях, был веком нерелигиозным, свободомыслящим, нередко атеистическим, веком первых побед всевозможных (?) наук над традициями совсем ненаучной

мысли прошлых столетий и веком юношеской, полной энтузиазма, уверенности человека в силе своего ума, а главное—в силе свободного воздействия человека на ход жизни, какой он живет, и в определенности, какой он будет жить в грядущем» (62—63). И дальше все в таком же роде. Автор столько расплывчатого и аморфного нагромоздил здесь, что без всякого ущерба для убедительности и ясности вместо XVIII века можно поставить в выше приведенной цитате XVII, XVI или XIX век.

Неудивительно, что, при такой легкости в определениях, книга полна противоречий. Явление, рост которого автор утверждает на одной странице, оказывается идущим на понижение в другом месте книги. Так, по поводу понизившейся, якобы, веры в нравственную стойкость человека (о чем говорится на стр. 270) автор совершенно иное говорит в предисловии (стр. VIII): «XIX век поднялся на необычайную, до него неведомую высоту в своем представлении об автономной, умственной и нравственной силе человека». Итак, Вольтер, Руссо и пр. не добрались до этой «неведомой» им высоты!

Книга Нестора Котляревского—образчик отжитых методов исследования литературных явлений. И если она чем-нибудь полезна, то тем, что доводит их до абсурда. Чем очевиднее выставлена бесплодность и никчемность сумбурных разглагольствований этого типа, тем скорее история литературы освободится от пережитков прошлого.

Проф. П. С. Коган.

В. ЛЬВОВ - РОГАЧЕВСКИЙ. Очерки по истории новейшей русской литературы (1881—1919 гг.) Изд. Всерос. Центр. Союза Потребит. Обществ. Москва, 1920 г. 140 стр.

Львов-Рогачевский умеет находить интересные темы для своих работ. Года два назад он выпустил книжку «Поэзия новой России», в которой попытался дать критическое обозрение рабочей и крестьянской поэзии; данной книжкой он восполняет пробел, так как в нашей литературе не было конспективного, доступного широкому массам обзора, ха-

рактизирующего литературу последних сорока лет.

Книжка найдет своего жаждущего читателя и, несомненно, даст ему довольно живую картину развития и смены настроений в нашей художественной литературе указанного времени. И даже больше. Поскольку автор расширяет свою тему, читатель вспомнит старые дворянские усадьбы Онегиных, Лаврецих, Обломовых, Нехлюдовых и т. д. Встретится он и с Чацким, восставшим против Фамусова, и с Помяловским, который после белой горячки в больнице к сроку для «Современника» день и ночь пишет свою повесть,—с Некрасовым, Левитовым, Решетниковым, Успенским и другими, которые в противовес «обаятельным диалектикам» 40-х годов выдвинули лозунг: «живое дело, вместо слов», и бросили в глаза обществу голую, неподдельную правду живой жизни. Прочтет он о борьбе в литературе, как и в жизни, двух начал—городского и деревенского,—о каратаевщине, абрамовщине и о многом и многих других, которых по существу очерков лучше бы и не упоминать.

Автор намерен «проследить изменение литературных форм и стиля, содержания и основных идей в зависимости от изменяющейся социальной среды и основы экономического и политического господства». Несмотря на весь интерес к «Очеркам», надо констатировать, что поставленную задачу автор в полной и нужной мере не разрешил. Не разрешил отчасти потому, что он слишком примитивно, поверхностно пользовался методом исторического материализма, не углубляя своего анализа, а ограничиваясь довольно общими суждениями о развитии капитализма, марксизма, революционности общественных настроений и т. п. Отчасти из-за непропорциональности частей работы и загроможденности отдельных страниц побочными материалами из области литературных воспоминаний, которые к большей выгоде работы в смысле ее яркости и выпуклости могли быть совершенно опущены.

Вопрос же о форме и стиле остался совсем без освещения, если отбросить несколько встречающихся рассуждений, сводящихся по существу к простому

констатированию факта смены литературных форм и стилей. А это вопрос весьма интересный, волнующий в наше время всю литературную молодежь без различия течений и направлений.

Особенно сильной схематичностью, иногда граничащей с «общими местами», страдают главы о крестьянской и пролетарской поэзии. Та и другая имеют свою историю. И эта история в должной мере не выяснена ни в прежней работе, посвященной исключительно этому вопросу, ни в данной. Следовало бы проследить, например, развитие рабочей поэзии, в связи с развитием капитализма и рабочего движения, шаг за шагом, начиная с периода первоначального накопления и кончая днями пролетарской диктатуры. Материал есть, и он дал бы целостную картину развития пролетарской идеологии в поэзии, а также и картину овладения литературными формами. И этот путь, единственно правильный путь, не привел бы автора к недопустимым промахам—устанавливать периоды пролетарской литературы в зависимости от выхода тех или иных литературных сборников, в которых печатались вещи, написанные значительно раньше. Благодаря такому подходу, автор насчитал в развитии пролетарской литературы три периода только с 1905—8 годов. В силу все той же основной ошибки, он совершенно умолчал о Шкулеве, рабочем 80-х годов, о Савине, рабочем 90-х годов, о Гмыреве, умершем в 1911 году 25 лет отроду, но зато незаслуженно много уделяет места Лукашину, двумя-тремя словами обмолвившись о рабочем-стекольнике Нечаеве, 30-летний юбилей литературной деятельности которого прошел нынешним летом с такою сердечностью.

К лучшим страницам книги нужно отнести главы о В. Вересаеве, Б. Зайцеве, об А. Куприне, С. Сергееве-Ценском и Л. Андрееве. Старые литературные силуэты этих лиц, поставленные рядом, ярко оттеняют друг друга, особенно если взять за основной фон творчество В. Вересаева, от «бездорожья» пришедшего к «повороту», а отсюда «к живой жизни»,—писателя, сумевшего преломить в своем творчестве последние этапы русской общественной мысли в

ее марксистском направлении. Мало внимания уделено графу А. Толстому. А художник он весьма интересный. Не со всеми суждениями можно согласиться и в этих главах. Автор сравнивает настроения Б. Зайцева с «бледно-зелеными акварелями» Тургенева, от которых веет усталостью «довольно». Это не совсем так, и Львов-Рогачевский не доказал этого. Не уделил он должного внимания чеховским элементам в творчестве Зайцева, а они у него временами значительны. Рисуя Л. Андреева, как «Ивана Карамазова русской литературы» и увлекшись этой параллелью, автор не отменил и не подчеркнул анархистских моментов в творчестве художника и не дал фона тех общественных условий, среди которых вырос этот «художник колеблющихся слоев интеллигенции».

Отметим лишь дополнительную главу о группе символистов старшего и младшего поколений, об эгофутуристах, имажинистах и адамистах. Как и вся книга, эта глава может служить хорошим конспектом при изучении вопроса.

Валериан Полянский.

Е. ЛЕВИНЭ-НИССЕН. Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов. Петербург. Гос. Изд. Стр. 58. Цена 60 р.

Книжка погибшего за дело рабочей революции коммуниста Е. Левинэ-Ниссен, написанная, очевидно, во время империалистической бойни, ставит своей задачей доказать, что утверждение империалистов, будто человечество всегда не только воевало, но и любило воевать, представляет одну из обычных уловок господствующих классов—заставить трудящиеся массы таскать для них из огня каштаны, тогда как сами трудящиеся к войне относились совершенно отрицательно, как о том свидетельствует поэтическое творчество всех народов мира. Автор приводит очень многочисленные и подчас чрезвычайно колоритные цитаты из жизни индусов, греков, римлян, евреев, китайцев, германцев, французов, славян. На ряду с произведениями безусловно народными и «народными»

до известной степени, автор приводит и мнения о войне и мире поэтов и философов, не могущих считаться представителями именно трудящихся масс. Конечно, здесь есть пробелы. Например, говоря об Италии, автор ограничивается приведением нескольких пословиц против войны, можно было бы указать в этой главе, где говорится о Вольтере, на пьесу Гольдони «Война» с ее определенно-отрицательным отношением к войне; жаль, что не упомянуто великодушное антимилитаристическое выступление Байрона в «Дон Жуане», и если цитировать Мирбо, почему умалчивать о Золя (от Contes à Ninon до «Разгрома» и «Труда»). Но, конечно, всего не процитируешь. Однако, если тема гласит: отражение народных мнений о войне в поэзии, то следовало ли приводить мнения писателей не народных, а если их цитировать, то не следовало ли бы в каждом отдельном случае выявить и причину их антивоенного настроения. Так, для примера, миролюбие Аристофана есть лишь другая сторона его вражды к афинской демократии с ее империалистической программой внешней политики. С другой же стороны, если воинственность достигла своего апогея в XIX в., если в этом повинен, как указывает автор, капитализм (в его новейшей стадии развития), то буржуазия не всегда была настроена в пользу войны, напротив, в период зарождения промышленно-капиталистического общества она грезилась о будущем, как о картине мирного труда и международного единения, а потому певцами мира были и ее философы и поэты (в XVIII и нач. XIX в.). Встречаются и утверждения едва ли правильные. «Слово о полку Игореве» едва ли можно истолковать, как антивоенную поэму, и если Игорь в ней порицается, то не за то, что он начал войну, а за то, что он начал ее сепаратно, как свое дело, тогда как, по мнению автора песни, она была делом национальным, в котором должны были участвовать все русские князья.

При всех указанных недостатках книжка Левинэ-Ниссена, живо написанная, представляет значительную ценность, как первая, если не ошибаюсь, сводка мнений о войне, запечатленных